

УДК 393
ББК 63.5(0)
Д21

From Here to Eternity
Caitlin Doughty

Copyright © 2017 by Caitlin Doughty
First published by W. W. NORTON & COMPANY, INC.

Даути, Кейтлин.
Д21 Уйти красиво: удивительные похоронные обряды разных стран / Кейтлин Даути ; [пер. с англ. К. В. Дементьевой] ; ил. Лэндис Блер. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с.

ISBN 978-5-04-092666-4

Кейтлин Даути – глава похоронного бюро в Лос-Анджелесе, писатель и популярный YouTube-блогер. Ее первая книга «Когда дым застилает глаза. Провокационные истории о своей любимой работе от сотрудника крематория» мгновенно стала бестселлером Amazon. В новой книге автор в увлекательной и ироничной манере рассказывает о своих путешествиях по всему миру, о ритуалах погребения и традициях прощания с усопшими, принятых у разных народов. Кейтлин Даути размышляет о том, почему на Западе организация похорон превратилась в скрытый и весьма прибыльный бизнес. Как случилось, что родственники и близкие умершего оказались полностью отстраненными от стерильного процесса похорон? Правда ли, что участие родственников в прощальных обрядах помогает им легче принять и пережить смерть близкого человека?

УДК 393
ББК 63.5(0)

ISBN 978-5-04-092666-4

© Дементьева К.В., перевод на русский язык, 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ПОСВЯЩАЕТСЯ МАМЕ И ПАПЕ,
*а также всем родителям, которые позволили своим
детям-чудакам оставаться чудаками*

Взрослые, охваченные страхом смерти, – не белые вороны, зараженные неким экзотическим недугом, но мужчины и женщины, чьи семьи и культуры не смогли сшить для них достойные защитные одежды, чтобы они выстояли против ледяного дыхания смерти.

— Ирвин Ялом, психиатр

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>Заметки автора</i>	8
ВВЕДЕНИЕ	9
КОЛОРАДО: КРЕСТОН	26
ИНДОНЕЗИЯ: ЮЖНЫЙ СУЛАВЕСИ	55
МЕКСИКА: МИЧОАКАН	93
СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА: КАЛЛОУХИ	123
ИСПАНИЯ: БАРСЕЛОНА	160
ЯПОНИЯ: ТОКИО	177
БОЛИВИЯ: ЛА-ПАС	219
КАЛИФОРНИЯ: ДЖОШУА-ТРИ	246
ЭПИЛОГ	264
<i>Благодарности</i>	274
<i>Источники</i>	276

ЗАМЕТКИ АВТОРА

Книга «Уйти красиво. Путешествие по миру в поиске самой достойной смерти» — научно-популярная работа. Я изменила только некоторые имена и детали.

ВВЕДЕНИЕ

Зазвонил телефон, и мое сердце бешено заколотилось. Когда мы только открыли наше похоронное бюро, первые несколько месяцев телефонный звонок был для меня целым событием. Нам звонили редко. «Что, если... Что, если кто-то умер?» — и у меня тут же перехватывало дыхание. (Дорогуша, это же похоронное бюро — в этом-то и суть.)

Голос на другом конце провода принадлежал сиделке из хосписа. Она сообщила, что десять минут назад скончалась Джозефина; ее тело было еще теплым на ощупь. Сидя на кровати умершей, сиделка спорила с дочерью Джозефины, которая не хотела, чтобы ее мать куда-то увезли сразу после того, как та испустила последний вздох. Она хотела забрать ее тело домой. Вот почему она решила обратиться именно в мое похоронное бюро.

— Может ли она так сделать?

— Конечно, может, — ответила я. — На самом деле мы рекомендуем так поступать.

— Это законно? — с сомнением спросила сиделка.

— Абсолютно законно.

— Обычно мы звоним в похоронное бюро, и они увозят тело в течение часа.

— За тело матери отвечает дочь. Не хоспис, не больница и не дом престарелых, и уж точно не похоронное бюро.

— Ну хорошо, если вы так уверены...

— Я уверена, — ответила я. — Пожалуйста, скажите дочери Джозефины, что она может перезвонить нам сегодня вечером или завтра утром — как ей будет удобнее! В любое время, когда она будет готова.

Мы забрали Джозефину в восемь вечера, через шесть часов после смерти. На следующий день ее дочь прислала нам видео, снятое на телефон. В этом тридцатисекундном ролике ее мертвая мать лежала в постели, одетая в свой любимый свитер и шарф. Отблески свечей играли на комодке позади кровати, а тело было покрыто лепестками цветов.

Несмотря на сомнительное качество камеры телефона, было очевидно, что в свою последнюю ночь на земле Джозефина выглядела великолепно. Ее дочь по-настоящему гордилась своей работой. Мать всегда заботилась о ней, и теперь она позаботилась о своей матери.

Подход моего похоронного бюро поддерживают немногие мои коллеги. Некоторые считают, что для сохранности тело

необходимо сразу обработать специальными веществами (во-все нет) и что такая работа под силу только лицензированным специалистам (тоже нет). Такие люди говорят, что молодые прогрессивные владельцы похоронных бюро «делают из нашей профессии фарс», и удивляются, «в какой цирк превращаются похоронные услуги». Один джентльмен заявил:

— Когда похороны сведутся к погребению небальзамированного тела, три дня пролежавшего дома, я уволюсь!

Я живу в США, и здесь на смерти делали хорошие деньги уже с начала XX века. Текущее состояние дел доказывает, что жители Америки позабыли, чем были похороны раньше — достоянием семьи и общества. В XIX столетии никто и не подумал бы усомниться в праве дочери Джозефины подготовить тело матери к погребению, скорее наоборот — людям показалось бы странным, если бы она этого *не сделала*. Никто бы не помешал жене омыть и одеть тело мужа и не остановил бы отца, несущего в самодельном гробу умершего сына. Но за невероятно короткое время похоронное дело в Америке стало самым дорогим, самым организованным и формализованным в мире. Если бы кто-то спросил, в чем мы лучшие, ответ был бы один: в том, чтобы держать скорбящую семью подальше от покойного.

Пять лет назад, когда до создания моего похоронного бюро (и этой книги) было еще далеко, я сняла домишко в деревне

на берегу залива в Белизе. В то время я жила романтической жизнью работника крематория и возила покойников, так что домишко должен был быть *очень* недорогим. Там не было ни телефона, ни Wi-Fi. От ближайшего города до залива было девять миль, и проехать их можно было только на полноприводной машине. Меня привез смотритель дома, тридцатилетний житель Белиза по имени Лусиано.

Чтобы вы лучше представили себе Лусиано, скажу, что его повсюду сопровождала свора верных и довольно тощих собак. Когда его хижина была занята, он с мачете и в шлепанцах отправлялся в белизский кустарник и проводил там дни напролет, окруженный собаками. Он охотился на оленей, тапиров и броненосцев, и, когда ему удавалось кого-нибудь поймать, он убивал животное, свеживал его, вынимал сердце и съедал.

Лусиано спросил, кем я работаю. Когда я сказала, что работаю с покойниками в крематории, он сел в своем гамаке.

— Ты их сжигаешь? — спросил он. — Ты поджариваешь людей, как барбекю?

Я обдумала это сравнение.

— Ну, печь гораздо жарче, чем барбекю. Температура там достигает почти тысячи градусов Цельсия, так что они нагреваются гораздо сильнее, хотя и проходят стадию барбекю, да.

Если в общине Лусиано кто-то умирал, семья забирала тело домой и устраивала поминки длиною в целый день. Население Белиза очень разнообразно: с одной стороны, ощущается карибское, с другой — латиноамериканское влияние, а их национальный язык — английский. Лусиано был метисом — потомком аборигенов майя и испанских колонизаторов.

Дедушка Лусиано был в их обществе похоронным служителем: человеком, которого местные семьи звали, чтобы подготовить тело к погребению. Когда он приходил, покойник часто был окоченевшим, так что помыть и одеть тело было невероятно сложно. Если верить Лусиано, в таких случаях дедушка разговаривал с мертвецом:

— Слушай, ты ведь хочешь хорошо выглядеть на небесах? Я не смогу тебя одеть, если ты будешь так сопротивляться.

— То есть твой дедушка *уговаривал* покойников стать менее окоченевшими? — спросила я.

— Ну еще нужно было натереть их ромом, чтобы они легче сгибались. Но да, он просто говорил с телом, — ответил он.

Убедив мертвеца стать более гибким, дедушка переворачивал его на живот и надавливал, чтобы вышли газы и продукты разложения. Это как подержать младенца после кормления вертикально: помоги ему срыгнуть, иначе он срыгнет на тебя.

— Ты тоже так делаешь в Америке? — поинтересовался Лу-сиано, глядя поверх лагуны.

Конечно, в больших городах Белиза есть похоронные дома, перенявшие американскую бизнес-модель и продающие семьям умерших гробы из красного дерева и мраморные надгробья. Такой модернизации подверглись и больницы Белиза, где могут провести вскрытие независимо от согласия семьи умершего. Бабушка Лусиано перед смертью отказалась от этой процедуры.

— Вот почему мы выкрали ее тело из больницы, — поведал мне Лусиано.

— Погоди, что ты сказал?

Я все верно расслышала: они украли ее тело из больницы. Просто завернули в простыню и забрали его.

— А что в больнице могли с нами сделать? — спросил Лусиано.

У него была припасена еще одна история о друге, который утонул в этой самой лагуне. Лусиано не стал беспокоить власти и сообщать об утонувшем.

— Он же умер, что они могли сделать для него?

Лусиано хотел, чтобы после смерти его завернули в шкуры и похоронили в обычной яме, устланной листьями. Саван из шкур он собирался шить сам. Он рассказал, что они

с друзьями все время говорят о смерти. Они спрашивают друг друга:

— Эй, а как ты хочешь, чтобы тебя похоронили?

Лусиано спросил:

— А там, откуда ты приехала, люди не говорят об этом?

Мне было сложно объяснить, что, как правило, — нет, они не говорят об этом.

Мне всегда хотелось понять, почему люди моей культуры так безразличны по отношению к смерти? Почему мы боимся заводить о ней разговор и спрашивать наших родных и друзей, как они хотят, чтобы их похоронили? Избегание этой темы ни к чему хорошему не приводит: уворачиваясь от разговоров о неизбежном, мы не только рискуем деньгами, но и лишаем себя возможности оплакать умерших.

Я подумала: если бы я смогла лично увидеть, как относятся к смерти в других культурах, я бы доказала, что нет неправильного способа умирать. В последние несколько лет я путешествовала по всему миру, чтобы увидеть похоронные ритуалы Австралии, Испании, Италии, Индонезии, Мексики, Боливии, Японии и США. Многие знают о погребальных кострах Индии и причудливых гробах Ганы, но в местах, которые выбрала я, живут не менее замечательные легенды, которые вы вряд ли могли слышать. Я надеюсь, мои находки помогут

вернуть смысл традиции погребения в нашем обществе, и для меня это очень важно — не только как для владельца похоронного бюро, но и как для дочери и друга.

БОЛЕЕ ДВУХ ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД греческий историк Геродот впервые описал, как представители одной культуры ужасаются погребальным ритуалам другой. В его «Истории» император Персии вызвал к себе группу греков, которые традиционно сжигали тела мертвецов, и поинтересовался: «За какую плату вы съели бы ваших умерших предков?» Греки возмутились и объяснили, что ни за что на свете не стали бы каннибалами. Затем царь вызвал группу каллатиев, о которых было известно, что они поедали тела своих покойников, и спросил их: «За какую цену вы готовы предать ваших умерших отцов огню?» Каллатии стали умолять его не говорить о «таких мерзостях».

Такое отвращение к тому, как в других культурах обращаются с покойными, существовало тысячелетиями. Если вы когда-нибудь подходили ближе чем на сто пятьдесят метров к современному похоронному бюро в США,

то знаете, что гробовщики обожают цитату, которую приписывают Уильяму Гладстону, британскому премьер-министру XIX века:

Покажите мне, как нация обращается со своими покойными, и я с математической точностью расскажу вам о глубине сострадания этого народа, его уважении к законам земли и верности высшим идеалам.

Похоронные бюро гравировать это изречение на настенных табличках и помещают на шапках своих сайтов, для них это такой же символ, как американский флаг и музыка «Amazing Grace» (христианский гимн, написанный английским поэтом и священнослужителем Джоном Ньютоном). К несчастью, Гладстон так и не предоставил формулу, которая позволила бы определить с обещанной математической точностью, что один конкретный способ обращения с покойниками на 79,9% варварский, а другой на 62,4% достоин уважения.

(На самом деле Гладстон, возможно, никогда и не заявлял ничего подобного. Впервые эта фраза появилась в 1938 году в мартовском издании *The American Cemetery* в статье под названием «Успешная реклама кладбища». У меня нет доказательств, что Гладстон такого не говорил, но один видный знаток

его биографии поведал мне, что никогда не встречал такой цитаты. Самое большее, с чем он смог согласиться, — что это звучит вполне в духе Гладстона.)

Даже если умом мы соглашаемся с преимуществами ритуалов определенной культуры, мы все равно не принимаем их из-за всяческих предубеждений. Однажды в 1636 году в Канаде две тысячи индейцев племени вендат (самоназвание гуронов) собрались вокруг групповой могилы на берегу озера, которое мы сейчас называем Гурон. Могила была огромной — два метра в глубину и семь метров в ширину. Она предназначалась для захоронения семисот человек.

Но эта погребальная яма была не единственной остановкой на пути покойников. Когда скелеты были еще телами, их завернули в бобровые шкуры и положили на деревянные помосты на высоте трех метров над землей. Каждые десять лет или около того члены разбросанных вокруг Гурона племен вендатов приносили останки своих умерших к общей могиле, известной как «кулак мертвеца». Перед похоронами тела спускали с помостов, и члены семьи, в основном женщины, должны были очистить кости от остатков плоти.

Сложность этой процедуры зависела от того, как долго покойник был мертв. Некоторые тела успевали разложиться, и тогда на скелете оставалась только высохшая, тонкая, как